

«Наостас» («храмостав») как литургический маркер религиозной идентичности (на материале культовой архитектуры средневекового Пскова)

Иван Павлович Давыдов

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
ioasaph@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-2512-0127>

Аннотация. В фокусе нашего внимания — церковное зодчество средневекового Пскова, а предметом выступает храмовый комплекс крома в пределах «храмовой горы» и Довмонтова города (классическим античным аналогом чему могли бы служить афинский акрополь и агора). Цель — выяснение иеротопики Довмонтова городища (т.е. логики очень тесной застройки кончанскими соборными и «поповскими» каменными церквями узкого пространства крутого северо-восточного склона псковского «акрополя») — определила круг промежуточных задач, а именно: а) уточнение археологических данных о возведении приходских церквей в пределах крепостных стен Пскова догрозненой поры XI – нач. XVI вв.; б) построение модели своеобразного «иконостаса», состоящего не из икон, а из главных алтарей и приделов, освященных в честь самых почитаемых православными псковичами христианских праздников, святых и святых, поклонение которым составляло ядро литургической жизни города (согласно принципу: «Где дом Святой Троицы — там и Псков»). Культовая архитектура при этом выступает не только пространственным контейнером литургии, но и медиатором её символических, социальных и идентификационных функций. Наша гипотеза, сформулированная в русле разрабатываемой нами теории урбанистики иконостаса, заключается в том, что храмовый комплекс псковского «акрополя» и «агоры» в пределах Довмонтова города служил не просто очередной трёхмерной архитектурной иконой «горнего Иерусалима», но был целым трёхъярусным «пространственным иконостасом» со своей сакральной логикой (иеротопикой) размещения алтарей, то есть искомым «храмоставом» (или «наостасом»), который зримо являл воспроизводимые в паралитургическом действе литургические маркеры религиозной идентичности, закреплённые в архитектурной форме и топонимике.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 25-28-00280 «Литургический маркер религиозной идентичности христиан России и Западной Европы доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной эпох»

Ключевые слова: литургия, иконология, иеротопика, потестарная имагология, русское средневековье, коллективная память, православие, история русской православной церкви, урбанистика, религиоведение, наостас

© Давыдов И. П., 2026

Для цитирования: Давыдов И. П. «Наостас» («храмостав») как литургический маркер религиозной идентичности (на материале культовой архитектуры средневекового Пскова) // Концепт: философия, религия, культура. — 2026. — Т. 10, № 2. — С. 26–42. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-2-38-26-42>

Research article

“Naostas” as a Liturgical Marker of Religious Identity (Based on the Religious Architecture of Medieval Pskov)

Ivan P. Davydov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ioasaph@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2512-0127>

Abstract. This article examines the religious architecture of medieval Pskov as a material and symbolic expression of liturgical identity. The study focuses on the ecclesiastical complex situated within the Kremlin’s “church hill” and Dovmont’s Town (also known as Daumantas Town), an urban space distinguished by an unusually dense concentration of cathedral and parish churches. Combining imagological analysis with approaches derived from urban studies, the article investigates the logic underlying the placement of sacred buildings within this confined area and their role in shaping collective religious consciousness. Drawing on archaeological evidence relating to the construction and dedication of churches within the fortified centre of Pskov between the eleventh and early sixteenth centuries, the study seeks to elucidate the hierotopics of Dovmont’s Town (i.e. the logic of the exceptionally dense arrangement of konchan (end-quarter) cathedral-type and parish stone churches within the narrow space of the steep north-eastern slope of the Pskov “acropolis”). To achieve this aim, the study pursues two principal objectives: a) clarifying the archaeological data on the construction of parish churches within the fortress walls of Pskov during the pre-Ivan IV (Grozny) period (from the 11th to the early 16th centuries); b) constructing a model of a distinctive “iconostasis”, consisting not of icons but of the main altars and side chapels consecrated in honour of the Christian festivals, shrines and saints most revered by the Orthodox inhabitants of Pskov, the worship of whom formed the core of the city’s liturgical life (in accordance with the principle: “Where the House of the Holy Trinity is, there is Pskov”). As a result of the study, it was established that the Pskov churches, built according to a coherent urban design and tightly packed within the Kremlin, can be seen as a three-dimensional “iconostasis” composed of altars. In this context, religious architecture functioned not merely as a setting for worship but also as a medium through which liturgical memory, civic identity, and communal religious experience found expression and acquired permanence. Conclusions: Our hypothesis, formulated in line with our developing theory of iconostasis urbanism, is that the temple complex of the Pskov “acropolis” and “agora” within the boundaries of Dovmont’s Town served not merely as yet another three-dimensional architectonic icon of the “heavenly Jerusalem”, but constituted an entire three-tiered “spatial iconostasis” with its own sacred logic (hierotopy) of altar placement, that is, the sought-after “temple-stance” (or “naostas”). The term “naostas” is introduced herein to unequivocally identify a rare phenomenon of a visually distinct ensemble of religious architecture, which explicitly represented the liturgical markers of religious identity reproduced in the paraliturgical act, enshrined in architectural form and toponymy.

Keywords: liturgy, iconology, hierotopics, imagology, the Russian Middle Ages, collective memory, history of the Russian Orthodox Church, urban studies, religious studies, naostas

Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 25-28-00280), as part of the project "The Liturgical Marker of Religious Identity of Christians in Russia and Western Europe in the Pre-Industrial, Industrial, and Post-Industrial Era".

For citation: Davydov, I. P. (2026) "Naostas" as a Liturgical Marker of Religious Identity (Based on the Religious Architecture of Medieval Pskov), *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 10(2), pp. 26–42. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-2-38-26-42>

Актуальность исследования продиктована необходимостью комплексного историко-религиоведческого анализа идентитарных процессов, фиксируемых в российском обществе как в проспективном, так и в ретроспективном планах. Здесь нас будет интересовать преимущественно самоидентичность поселян средневекового Пскова (как прихожан «дома Святой Троицы»), особенно заметная на контрасте с самоидентичностью новгородцев (и их «Святой Софией», проблематике которой будет посвящена отдельная публикация). Новизна заключается в применении иконологических методов в решении вопросов, обычно относимых к компетенции урбанистики, потестарной имагологии и сакральной топографии (иеротопии, которую не следует отождествлять с *иеротопикой* [Давыдов, 2021: 293–398]).

Новеллой является введение в научный оборот термина «храмостав» («наостас»), который позволяет однозначно зафиксировать, маркировать и описать редкий феномен совершенно определённой — с точки зрения тектоники визуального образа [Кавтарадзе, 2016: 161–213; Таруашвили, 1998: 301–310] — композиции ансамбля сакральной архитектуры: *каскадно-ярусной с центростремительным восходящим вектором*. Самым зримым воплощением идеи храмостава, на наш взгляд, может служить билибинская иллюстрация к сказке «Царь Салтан» (1905 г., репродукцию см. ниже, рис. б) или же гуашь Константина И. Горбатова «Потонувший город Китеж» (1933 г.). К слову, знаменитая православная икона

XVIII в. «Видение старца Дорофея с планом Пскова» (см. рис. 1), ныне хранящаяся в Псковском государственном объединённом историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, не отражает искомый топос храмостава, поскольку иконописцем тогда преследовались совершенно иные цели (о чём речь будет вестись нами в другой раз).

Рисунок 1. Видение старца Дорофея с планом Пскова¹

Figure 1. Vision of the elder Dorotheus with a plan of Pskov

Названная икона показывает сакральную топографию города в плоскостной развёртке, как, например, и карта Пскова для пешего туризма (см. рис. 2). Нам

¹ Источник: Иконография восточно-христианского искусства: проект научного отдела факультета церковных искусств Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. URL: <https://icons.pstgu.ru/icon/4232>

же важно здесь подчеркнуть: во-первых, не горизонтальную, а вертикальную ось видения «храмовой горы» как «горы храмов» (в силу чего целесообразно сблизить концепты Горнего Иерусалима, Святой горы Афон и афинского Акрополя); во-вторых, выраженную невербально (поэтому искать дескрипцию храмовства в псковских летописях бессмысленно); в-третьих, не иконографически («в краске»), а архитектурно («в камне»). Конечно, наша гипотеза является иеротопической реконструкцией символов и «мировоззренческого горизонта» их смыслов, а не некоего продуманного заранее и постепенно воплощённого в жизнь градостроительного проекта средневековых псковичей². Восходит она не к искусствоведческой иеротопии А. М. Лидова [Святые горы в иеротопии..., 2017; Новые Иерусалимы..., 2009; Пространственные иконы..., 2011], а к философско-религиоведческой *иеротопике* (конкретнее — к её разделу урбанистики иконостаса [Давыдов, 2021: 236–398]) и развивает оригинальную историко-архитектурную и семиотическую типологию древнерусских городов Г. Я. Мокеева [Псков: Памятники истории..., 2003: 365–382; Мокеев, 2017: 167–190]³. Как именно эта сакральная топология и её типология в ситуации «эпистемологических поворотов» (пространственного, но не только) корреспондирует с медиевистикой, историей и археологией, становится очевидно из нижеследующего методологического очерка.

Методология. Семиотика храмового зодчества (в т.ч. русского православного),

с одной стороны, является производной от общей семиотики⁴, а с другой — тяготеет к истории культовой архитектуры в контексте истории религии и культуры⁵. Одной из востребованных ныне в исторической науке остаётся методология, выработанная сравнительно молодой дисциплиной — новой культурной (*культуральной*) историей. Ещё в 2004 г. её корифей Питер Бёрк заострил читательское внимание на десяти эпистемологических «культуральных поворотах»⁶, а именно: антропологическом, телесном, конструктивистском, лингвистическом, перформативном, иконическом, географическом, переводческом, визуальном и спатальном [Бёрк, 2016: 53, 114, 121–123, 143–148, 171–176, 182–186, 208]. Британского медиевиста поддержал его немецкий коллега по историческому цеху Себастьян Конрад. Пересматривая в 2016 г. методологию классической парадигмы, он предложил подходить к изучению «глобальной истории» с оглядкой на лингвистический, постколониальный, пространственный, материальный, переводческий и антропологический повороты [Конрад, 2018: 55, 81, 92, 136, 150–153]. Бёрку вторит и немецкая переводчица, культуролог и литературовед Дорис Бахманн-Медик⁷. В своём обзорном труде «Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften» (2006) она насчитала как минимум семь «перефокусировок» конфигурации гуманитарных дисциплин: <текстуально-> интерпретативный (interpretive turn); перформативный (performative turn); рефлексивный / литературный (reflexive turn); постколониальный (postcolonial

² Псковский храмовый ансамбль Дóвмонтова городища тем и уникален, что «случился», то есть сложился совершенно неосознанно для самих жителей. Без философско-религиоведческой рефлексии и экспликации его былое значение и величие не заметно сегодняшнему посетителю старинных руин.

³ Думается, что в трудах представителей церковной иерархии (может быть, за редчайшим исключением митрополита Московского Макария [1482–1563], бывшего некогда архиепископом Новгородским, и патриарха Никона [1605–1681]), также успешного побывать до своей патриаршей хиротонии митрополитом Новгородским и Великолуцким) мы вряд ли найдём и намёка на масштабные градостроительные проекты, призванные изменить сакральную топографию и географию их «кафедр» (в смысле подомоформных территорий). Во всяком случае, Пскова такие «столичные веяния» не коснулись.

⁴ Лободанов А. П. Семиотика искусства. История и онтология: Учебное пособие. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2013. С. 11–150; Зенкин С. Н. Семиотика культуры: учебное пособие. Москва: ВШЭ, 2025. С. 7–72. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4302-3>; Точнее — семиотики искусства: [Успенский, 1995; Прак, 2018: 7–83].

⁵ См. литературу в: Основы семиотики и прикладной лингвистики для религиоведов (учеб.-метод. комплекс) / авт.-сост.: И. П. Давыдов, О. В. Осипова. Москва: Филинь, 2025. 72 с.

⁶ Об их роли в современной исторической науке см. подр.: [Давыдов, 2023].

⁷ О которой нам уже доводилось писать. См., напр.: [Аникеев, Давыдов, Фадеев, 2023: 5–18].

turn); переводческий (translational turn); пространственный (spatial turn); иконический (iconic / pictorial turn) повороты; и это без учёта множества менее заметных, — но не менее важных для науки — ответвлений от мейнстрима, таких как, например, лингвистический, социально-конструкционистский, ново-историцистский,

театральный, риторический, антропологический, семиотический [Бахманн-Медик, 2017]. Совместив все три точки зрения, получим объёмную картину, наглядно демонстрирующую вариативность подходов разных авторов к решению одного и того же эпистемологического вопроса (см. таблицу 1):

Таблица 1. Сопоставление трех интерпретаций культуральных поворотов
Table 1. Comparison of three interpretations of cultural turns

<i>Burke Peter.</i> «What is Cultural History?» (2004)	<i>Bachmann-Medick Doris.</i> «Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften» (2006)	<i>Conrad Sebastian.</i> «What is Global History?» (2016)
антропологический	антропологический	антропологический
телесный		
<i>конструктивистский</i>	<i>социально-конструкционистский</i>	
лингвистический	лингвистический	лингвистический
<i>перформативный</i>	<i>перформативный</i>	
<i>иконический</i>	<i>иконический</i>	
географический		
переводческий	переводческий	переводческий
визуальный		
спатиальный	пространственный	пространственный
	<i>постколониальный</i>	<i>постколониальный</i>
		материальный
	интерпретативный	
	рефлексивный / литературный	
	риторический	
	ново-историцистский	
	театральный (theatrical turn)	
	семиотический	

Из вышеприведенной *таблицы 1* с очевидностью следует, что все трое экспертов единодушны в экспликации четырёх культуральных поворотов: антропологического, лингвистического, переводческого и пространственного. Касательно других мнения расходятся: конструктивистский,

перформативный и иконический склонны выделять П. Бёрк и Д. Бахманн-Медик, а постколониальный — она же, но в паре с С. Конрадом. Другие повороты — среди которых и очень популярные сейчас у гуманитариев телесный, визуальный, семиотический, материальный⁸ — затрагиваются

⁸ Видимо, в контексте близящейся очередной смены научных парадигм уже раздаются голоса в пользу проспективного продумывания «постповоротной» ситуации в гуманитаристике XXI в. Так, в критическом ключе намечается дальнейшая судьба феминизма, психоанализа, правоведения, политики постколониализма, экономики гастрономии, цифровизации и, что особенно важно для нас, зарубежными эпистемологами обсуждаются проблемы «постповоротных» **<само-> идентичности, географии и религии** — в условиях медиатизации последней на фоне секуляризации общества (см. подр.: [Social Research..., 2012: 36–55, 73–92, 160–176]). Ср. с наблюдением П. Бёрка: «В последние годы особый интерес привлекли некоторые области культуральной истории, среди них *тело, национальная идентичность* и то, что можно было бы назвать *культуральной историей идей* <курсив наш. — И. Д.>» [Бёрк, 2016: 200]. Культурологи и обществоведы обращаются к новой культурной истории [Vopnell, Hunt, 1999: 35–120, 165–240] даже выходя за пределы культурального поворота (а на самом деле — целой их россыпи, ибо соавторами упоминаются конструктивистский, <пост->колониальный, телесный и проч.). Ведь,

названными исследователями спорадически. Нас же, в силу совмещения философско-религиоведческой и историко-искусствоведческой оптик, в первую очередь, здесь интересуют иконический, географический, визуальный, семиотический и материальный ракурсы [Ferg, 2020; Northcott, 2015; Park, 1994; Mapping the Sacred, 2001; Stump, 2008; Swenson, 2024] исследования псковской архитектуры.

О Пскове и Новгороде за последние полвека написано внушительное количество археологических, археографических, исторических [Коваленко, 2016; Рыбина, 2009], историко-политических [Бернадский, 1961; Валеров, 2004; Янин, 1998], историко-архитектуроведческих⁹ [Каргер, 1961; Морозкина, 2007; Спегальский, 1972; Штендер, 2020], искусствоведческих [Древнерусское искусство..., 2008], музееведческих¹⁰ и проч. трудов¹¹ [Джаксон, 2015; Мусин, 2016], отдельный пласт которых составляют научно-популярные краеведческие справочники и паломнические / туристические путеводители¹².

Впору говорить о состоявшемся обособлении в исторической науке комплексного новгородоведения и пскововедения — настолько обширны, разнообразны по своему содержанию и методологии перечисленные выше издания (а также сотни им подобных, не вошедших в силу ограниченности объема в библиографический список к этой статье). В эту многоплановую панораму, по нашему убеждению, удачно вписывается и семиотика архитектуры (не в последнюю очередь культовой)¹³

Рисунок. 2. Карта Пскова для пешего туризма. (Фото автора 2025 г.)

Figure 2. Map of Pskov for hiking. (Photo by the author, 2025)

как убедительно показала Д. Бахманн-Медик, «культуральный поворот» — это зонтичный термин, охватывающий полтора – два десятка относительно самостоятельных течений в истории науки. Вследствие чего, на наш взгляд, целесообразнее было бы говорить о культуральных поворотах всегда во множественном числе. Их набор, представленный в книге Бахманн-Медик, пожалуй, можно считать эталонным и наиболее репрезентативным, хотя, разумеется, не исчерпывающим.

⁹ Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области / К. Л. Буданцев, В. А. Дружинин, О. М. Иоаннисян и др. Санкт-Петербург: Лики России, 2014. 656 с.

¹⁰ Райков Г. П. Софийский собор Великого Новгорода: иллюстрированный путеводитель. Санкт-Петербург: Алаборг, 2007. 128 с.; Географика Новгорода: каталог выставки старых карт, планов, гравюр и литографий в музее художественной культуры Новгородской земли из коллекции Алексея Финикова. Москва: Бюро Маяк, 2020. 303 с.

¹¹ Янин В.Л. Очерки комплексного источникововедения. Средневековый Новгород. Учебн. пособ. Москва: Высш. школа, 1977. 240 с.; Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: энциклопедический словарь / отв. ред. В. Л. Янин. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. 551 с.; Культура древнего Пскова: Учеб. пособ. / сост. Н. Д. Федотова, Д. В. Яблочкин. Псков: Логос, 2008. 168 с.

¹² Бологов А. А. Псков: Путеводитель 3-е изд. Ленинград: Лениздат, 1988. 240 с.; Власов А. С., Элькин Г. Н. Древнерусские города Северо-Запада. Санкт-Петербург: Паритет, 2020. 512 с.; Власов А. С., Элькин Г. Н. Древнерусские крепости Северо-Запада. Санкт-Петербург: Паритет, 2019. 480 с.; Глушкова В.Г. Псковская земля. История. Монастыри. Усадьбы. Люди. Москва: Вече, 2009. 352 с.; Великий Новгород / сост.: Н. Гринев, Л. Николаева. Новгород: Новатор, 2013. 128 с.; Псков — дом Пресвятой Троицы: Путеводитель: Монастыри, храмы, святыни / сост. В. А. Салахова. Печоры: Изд-во Свято-Успенского Псково-Печерского м-ря, 2020. 232 с.

¹³ Лободанов, с. 450–502.

[Семиотика пространства, 1999: 69–170, 355–412, 443–486; Кавтарадзе, 2016: 161–230], поскольку умение «читать город» [Бёрк, 2016: 64], его сакральные локации¹⁴ [Таруашвили, 1998: 39–144], имеет в контексте визуальности [Даниловские чтения, 2018], урбанистики [Данилова, 2000; Галкова, 2015] и религиоведения¹⁵ весомый эвристический потенциал, необходимый, помимо прочего, для экспликации литургических маркеров этноконфессиональной идентичности [Давыдов, Фадеев: 2025: 51–72]. Культурная архитектура может быть рассмотрена как один из ключевых маркеров репрезентации литургических маркеров религиозной идентичности в христианских обществах. Предлагаемый нами подход позволяет анализировать их динамику в длительной исторической перспективе — от доиндустриальных форм к индустриальным и даже постиндустриальным трансформациям (в которых меняется как архитектурный язык, так и конфигурация литургических практик).

В подтверждение вышесказанного для начала обратимся к античности. Как известно, древнегреческое слово *ἡ ἀγορά* — полисемантический термин, которым можно назвать и собственно «народное собрание», и «место собрания», и «торговую площадь». В любом случае, это обозначение фокуса притяжения интересов всех обывателей (нередко благодаря выгодному расположению в непосредственной близости от архитектурной доминанты или в топографическом центре города). Яркий (и классический) пример тому — афинская агора (др.-греч. *Ἀγορά της Αθηνῶν*) на северо-западном (пологом) склоне скалистого холма афинского Акрополя (др.-греч. *Ἀκρόπολη Αθηνῶν*).

Христианский восток свою сакральную топографию заимствовал у великих античных цивилизаций или непосредственно (как, например, случилось с переосвящённым в честь Богородицы Парфеноном, служившим христианским храмом и грекам, и французам, и каталонцам, и итальянцам с сер. VI в. по сер. XV в.), или опосредованно — через влияние Палестины. Храмовая гора — это не только афинский Акрополь, но и Мория в Иерусалиме, и Святая гора Афон (греч. *Ἁγία Όρος Αθως*), и различные их эктипы (на Кавказе, в России и других странах и континентах¹⁶). К слову, о пространственных иконах Иерусалима говорили много А. М. Лидовым и сторонниками его теории иеротопии¹⁷. Здесь же хотелось заострить исследовательское внимание на обнаруживаемом нами феномене «**наостаса**» (или «**храмостава**»; термин наш и является производным от др.-греч. *οἶκος* — «храм» и *ἡ στάσις* — «стояние», «неподвижное положение». — И.Д.). Развиваемая нами теория иеротопики включает в себя, помимо прочего, и *урбанистику иконостаза*¹⁸, удачно сочетающая теменологию и орографию¹⁹ (сакральную географию гор).

Зрительно это удобно продемонстрировать на примере театральных декораций «Град» к балету Игоря Ф. Стравинского «Жар-птица» кисти Натальи С. Гончаровой (см. рис. 3). Фантастическое многоглавие волшебного города, выполненное художницей в иконописной традиции «обратной перспективы», невольно заставляет наблюдателя как-то упорядочивать все эти нарисованные луковичные купола, полуциркульные арки и оконные проёмы, создавая иллюзию пестрой стены, на фоне которой разворачивается театральное

¹⁴ Энциклопедия сакральной географии / сост. Д. В. Громов. Екатеринбург: Ультра-Культура, 2005. 648 с.

¹⁵ Указанные источники прямо не касаются истории архитектуры северо-западного порубежья средневековой Восточной Европы и Руси, однако их всё-таки допустимо учитывать в контексте обсуждаемой здесь проблематики, поскольку это позволяют делать «эластичные» хронологические рамки европейского и российского «долгого» средневековья III—XVI вв., а также включённость Новгорода и Пскова в торговлю и культурный обмен с Ганзейским союзом на Балтике, а через него — и с Генуэзским в Средиземноморье [Замятин, Замятина, Митин, 2008; Мусин, 2016; Рыбина, 2009; Семенова, 2004; Янин, 2011].

¹⁶ См., напр.: [Святые горы в иеротопии..., 2017].

¹⁷ См., напр.: [Пространственные иконы, 2011; Новые Иерусалимы, 2009].

¹⁸ См. подр.: [Давыдов, 2021: 308–335].

¹⁹ О ней см.: [Прак, 2018: 195].

действие, ровно так же, как на фоне иконостаса с аркатурно-колончатыми поясами темплов разворачивается богослужение.

Рисунок 3. Гончарова Н. С. Град. Театрально-декоративное панно. (Париж, 1926)²⁰
Figure 3. Goncharova N. S. Grad. Theatrical decorative panel. (Paris, 1926)

Псковско-новгородский кейс сподвиг нас применить эту оптику к псковскому кромю и по-новому взглянуть на «ожерелье» из 18 церквей (чьи фундаменты сохранились), некогда опоясывавших в несколько ярусов холм, на вершине которого поныне возвышается Троицкий собор, венчающий всю архитектурную композицию²¹. Благодаря усилиям историков, археологов, реставраторов псковского средневекового зодчества (Ю. П. Спегальскому²², Г. Я. Мокееву и их единомышленникам), сакральная топография «дома Святой Троицы» реконструирована достаточно скрупулёзно, во всех деталях²³ (см. рис. 4).

Рисунок 4. Большой макет Псковского кремля. (Фото из архива А. Г. Дерягина. 2014 г.)²⁴
Figure 4. Large model of the Pskov Kremlin. (Photo from the archive of A. G. Deryagin. 2014)

Ставший классическим пятиярусный «тябловый» иконостас русских православных церквей XVII в. — это результат многовековой эволюции²⁵. Во всяком случае, к XV в. на Руси практически повсеместно были известны трёхъярусные иконостасы с поместным и праздничным чинами, и «деисисом». Пядничный, пророческий и праотеческий чины, а тем более страстной и страстной апостольский — это роскошь, которую могли позволить себе только столичные кафедральные соборы и значительно позже (преимущественно при наличии в митрополии своей иконописной и столярно-резчицкой школ). Если высота свода не позволяла монтировать сложное навершие иконостаса в виде ангельского чина с килевидными кокошниками, мастера-резчики ограничивались центральной композицией Распятия с предстоящими апостолом Иоанном Богословом и Девой Марией, а остальные сюжеты при необходимости наносились фрескописью на оштукатуренные своды и подпружные арки²⁶. То есть среднестатистический прихожанин догрозненской

²⁰ Источник: Архив. URL: https://artchive.ru/nataliagoncharova/works/253208~Okonchatel'nyj_dizajn_zadnika_k_baletu_Zharptitsa_Igorja_Stravinskogo

²¹ Власов, Элькин, 2020, с. 188–201.

²² О нем см.: [Булкин, Овсянников, 1983].

²³ См. подр.: [Псков: Памятники истории..., 2003; Мокеев, 2017].

²⁴ Источник: Дерягин А. Г. Большой макет Псковского кремля (история создания) // БлагоПСКОВ. Информационно-краеведческий православный портал. 2016. URL: <http://www.blagopskov.ru/articles/668?ysclid=mi9cjn5l8d825815547>

²⁵ См. подр.: [Николаева, 2020; 2021].

²⁶ См. подр.: [Успенский, 1993: 7–33].

поры обычно встречал в русском храме преимущественно 3–4-ярусные иконостасы. Поэтому неудивительно, что псковский «храмостав» интуитивно похож именно на такой «скромный» иконостас, хотя о прямом заимствовании программы декора, разумеется, речи не идёт.

В Пскове XIV – нач. XVI вв. прослеживается даже определённая логика деления на «чины» или «лики»: двенадцать пригородов и шесть концов «Добмонтова города» (XIII в.) владели 12 зданиями изначально деревянных, а позже каменных «малых поповских» церквей «Добмонтовой стены»²⁷: Свт. Кирилла Иерусалимского на Гребле (1374 г.); св. Симеона Столпника (придел Софийской церкви; сер. XIV в. или 1416 г.?); Свт. Алексия, митр. Московского (1508 г.?); св. Георгия Каппадокийского (или Победоносца; 1269 г.); свв. Иоакима и Анны (придел церкви Входа Господня в Иерусалим; ок. 1380 г.?); Воскресения Христова (в дереве 1271 г. / в камне не позже 1395 г.?); Рождества Христова (1383–88 гг.); Рождества Богородицы (деревянная? полностью утрачена), св. Феодора Тирона (1385 г.?; вместо деревянной Федора Стратилата; 1272 г.); свв. Кира и Иоанна (придел Никольской церкви; ок. 1404 г.?); св. Тимофея Газского (1268 г.; будет перестроена и освящена в честь св. кн. Тимофея-Добмонта в 1373–1374 гг.); Свт. Афанасия Иерусалимского (1407 г.?; над которыми возвышались шесть «больших» каменных соборных церквей «верхнего города»: свв. жен Веры, Надежды, Любви и матери их Софии (1357 г.?); Свт. Николы на Гребле (2-я пол. XIV в.; перестроена в 1508–1538 гг.); св. Дмитрия Солунского (1138–1144 гг.; со Спасским приделом 1453 г.?); Покрова Богородицы (1352–1398 гг.); Сошествия Св. Духа (1383 г.); Входа Господа в Иерусалим (1380/1471 гг.?)). Они

сосуществовали уже с Персями — южной оградой Крома и Троицкого собора (1138 г., который был воссоздан из руин в 1365–1367 гг., а нынешний «московский» вид приобрёл в 1699 г., после того, как с 1468 г. «Псковское господарство» потеряло свою политическую самостоятельность и вошло в состав Московского государства).

Обновленный Троицкий собор (завершённый строительством и «благоукрашением» между 1421 и 1467 гг.), возвышающийся над всеми другими церквями как архитектурная доминанта псковского акрополя, соответствует в иконостасе центральной иконе праотеческого чина — к слову, верхнему средокрестию (как фокусу молитвенного внимания и апогея ритуальной драматургии) тяблового иконостаса — Св. Троице. Центральный алтарь фланкировали в разное время (до пожара 1362 г.; в 1543 г.; и не позднее 1689 г.) шесть приделов (Благовещения Пресвятой Богородицы; св. мц. Параскевы Пятницы; св. кн. Александра Невского и свв. кнн. Бориса и Глеба; иконы Знамени Пресвятой Богородицы и свв. мчч. Флора и Лавра). Это были алтари, освящённые в честь небесных заступников и покровителей всей Псковщины.

На «Персах» (т.е. на фоне южной стены Крома, см. рис. 5) располагались шесть «великих» кончанских соборных церквей. Из них три — Покрова Богородицы; Сошествия Св. Духа; Входа Господа в Иерусалим — соответствуют праздничному чину иконостаса; и ещё три — свв. жен Веры, Надежды, Любви и матери их Софии; Свт. Николы на Гребле; св. Дмитрия Солунского — поместному. Аналогично дело обстоит и с «малыми поповскими» приходскими церквями Добмонтова городища: храмы, освящённые в честь Рождества Богородицы; Рождества Христова;

²⁷ Их атрибуцию и хронологию строительства см. в: Культура древнего Пскова, с. 77–80; [Мокеев, 2017: 169–190, Морозкина, 2007: Т. 1.: 32–36, 52–57]. Наиболее осторожно-скептическую, сугубо документалистскую позицию занимает историк архитектуры Пскова Е. Н. Морозкина (она считает достоверными только 11 из обнаруженных археологами XX в. храмовых каменных фундаментов Добмонтова города), а самую оптимистичную, граничащую с теорией спатииализации, — реконструктор видов стародавнего Пскова Г. Я. Мокеев (его датировка 18 построек Добмонтова городища отмечена в нашем тексте знаком вопроса, поскольку не всегда подтверждается по другим учитываемым здесь источникам). Хотя оба исследователя опираются на данные экспедиций Г. Д. Гвоздилова и В. Д. Белецкого 1950–1980-х гг.

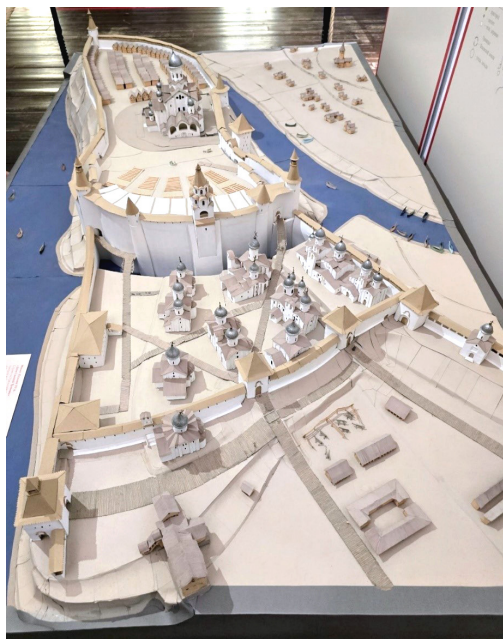

Рисунок 5. Макет центра Пскова XV в., выполненный в 2003 г. студентами Уральской архитектурно-художественной академии под руководством проф. Н. Н. Бугаевой. (Фото автора, 2025 г.)

Figure 5. Model of the center of Pskov in the 15th century, completed in 2003 by students of the Ural Academy of Architecture and Arts under the supervision of Professor N. N. Bugaeva. (Photo by the author, 2025)

Воскресения Христова — представляют собой кульминацию рождественских и пасхальных событий литургического года

(праздничный чин иконостаса), а остальные девять — Свт. Кирилла Иерусалимского на Гребле; св. Симеона Столпника; Свт. Алексия, митр. Московского; св. Георгия Каппадокийского; свв. Иоакима и Анны; св. Феодора Тирона; свв. Кира и Иоанна, св. кн. Тимофея-Довмонта; Свт. Афанасия Иерусалимского — поместный. Они очень тесно связаны с историей города, её мемориализацией и литургической коммеморацией (преимущественно через памятные даты битв и побед, а также судьбоносных для всех псковитян эпизодов из жизни «отцов-основателей», например, князя Довмонта и зодчего Кирилла). Здесь со всей очевидностью проявилось преимущество вертикального семантического членения, когда каждый ярус «храмового пояса» имеет свою аналогию и в среднем, и нижнем темплоне иконостаса.

А *агорой* эту псковскую «гору храмов» можно с уверенностью назвать потому, что именно на территории «старого застенья» располагалась Вечевая Степень — аналог зала заседаний палаты парламента под открытым небом. Только пред «лицом»-фасадом Троицкого собора вече псковской торговой республики не сидело, а предстояло (скамьи служили «стасидиями» только дряхлым старикам).

Первичный набросок сопоставления сакральной топографии Пскова (как «дома Св. Троицы») и Новгорода (как обители Св. Софии)²⁸ показало следующие результаты (см. ниже *табл. 2*):

Таблица 2. Сакральная топография Пскова и Новгорода (сопоставление)

Table 2. Sacred topography of Pskov and Novgorod (comparison)

Псков — «дом Св. Троицы»	Новгород — обитель Св. Софии
<ul style="list-style-type: none"> • Вертикальный вектор устремления: с равнины (подола) — на (а)гору — и далее в Небеса. • Анагогическое возведение мыслей и чаяний «горé». • Вручение попечения о городе Триединому Господу в акте предстояния вече собору Св. Троицы. 	<ul style="list-style-type: none"> • Горизонтальный веер экспансии — максимальный охват водных и земельных ресурсов (ради оживления внешней политики и международной торговли). • Мистическое сопричастие со Христом-Премудростью на земле. • Совещательность и «симфония» столичных властей, «софийность».

²⁸ Ограниченность формата статьи не позволяет нам привести здесь доказательства справедливости именно такой интерпретации иеротопики Новгорода (как обители Св. Софии). Это потребовало бы многочисленных отсылок к трудам таких корифеев как, например, Л. А. Секретарь. Поскольку наши исследования в ближайшее время будут продолжены, мы постараемся отдельно рассмотреть сакральный ландшафт средневекового Новгорода в последующих публикациях.

В нашем случае речь идёт о самой возможности сравнения пространственно-организованной системы литургических маркеров, обеспечивающих символическую интеграцию городской общины (с одной стороны — псковичей, а с другой — новгородцев) и воспроизводство её религиозной идентичности.

Выводы

Имеющиеся в нашем распоряжении схемы, архитектурные макеты и чертежи

средневекового Пскова, позволяют утверждать (с позиций урбанистики), что не только иконостас в интерьере храма являет собой зримый символ стены Небесного Иерусалима, но и россыпь псковских храмов, возведенных почти вплотную друг к другу внутри кремля, может рассматриваться как 3D-«иконостас» («храмостав»), только состоящий не из икон, а из алтарей, посвященных тем или иным библейским событиям священной истории или особо чтимым подвижникам благочестия (табл. 3).

Таблица 3. Семиотика храмового зодчества центра средневекового Пскова
Table 3. Semiotics of temple architecture in the center of medieval Pskov

Дом (собор) Св. Троицы		
<i>Мученический «чин»</i>	<i>Богородичный «чин»</i>	<i>Княжеский «чин»</i>
Приделы св. Параскевы Пятницы и свв. мчч. Флора и Лавра	Приделы Благовещения Пресвятой Богородицы и Знамения Пресвятой Богородицы	Приделы св. кн. Александра Невского и свв. кнн. Бориса и Глеба
Шесть соборных кончанских церквей Дóвмонтова города		
<i>Аналог праздничного ряда иконостаса</i>		
Храмы Покрова Богородицы; Сошествия Св. Духа; Входа Господня в Иерусалим		
<i>Аналог поместного ряда иконостаса</i>		
Храмы свв. жен Веры, Надежды, Любви и матери их Софии; Свт. Николы на Гребле; св. Дмитрия Солунского		
Двенадцать «поповских» приходских церквей Дóвмонтова города		
<i>Аналог праздничного ряда иконостаса</i>		
Храмы Рождества Богородицы; Рождества Христова; Воскресения Христова		
<i>Аналог поместного ряда иконостаса</i>		
Храмы Свт. Кирилла Иерусалимского на Гребле; св. Симеона Столпника; Свт. Алексия, митр. Московского; св. Георгия Каппадокийского; свв. Иоакима и Анны; св. Феодора Тирона; свв. Кира и Иоанна, св. кн. Тимофея-Довмонта; Свт. Афанасия Иерусалимского		

По нашему мнению, эта наглядно заданная «семиотическая матрица», точнее — уникальная конфигурация храмов псковской агоры («горы храмов»), запечатлевалась в сознании любого средневекового поселянина на Псковщине, позволяя ему «и на суше, и на море» ассоциировать себя именно с «Господином Псковом» (в пору расцвета боярско-вечевой республики), определяя иконическим, теменологическим, литургико-иерократическим способом его этно-конфессиональную принадлежность. К слову, у новгородцев была своя, не менее значимая, но иная по форме и содержанию

«семиотическая матрица» иеротопии «Господина Великого Новгорода», так же отличавшая их от москвитов, литовцев, ливонцев и других иноземцев, инославцев и иноверцев.

Отсюда следует, что такие «иеротопические слепки» родного, укромного, защищённого свыше места, вероятно, носимые в сердце каждым горожанином, могут детерминировать его поведение в публичном пространстве и являются достаточно надёжными маркерами его религиозной (само-)идентичности (как результата) и (само-)идентификации (как процесса самоопределения в социуме).

Рисунок 6. Билибин И. Я. «И дивясь, перед собой видит город он большой...»²⁹
 Figure 6. Bilibin I. Ya. "And, amazed, he sees a large city before him..."

²⁹ Источник: Иллюстрация к «Сказке о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» А. С. Пушкина (Семенов О. С. Иван Билибин (Рассказ о художнике-сказочнике): Очерк с послесл. Д. В. Сарабянова. Москва: Детская литература, 1986. С. 51). Талант иллюстратора ещё в 1905 г. позволил И. Я. Билибину в свойственной ему декоративной манере визуализировать строки А. С. Пушкина и представить в цвете архетип «горы храмов». Его обобщённый образ стольного *города-на-горе*, вобравший в себя черты кремлей Москвы, Ростова Великого, островной архитектуры Соловецкого монастыря, и сейчас безошибочно прочитывается как старинный, патриархальный, русский, православный, каковым был и Псков — оплот и твердыня северо-западного порубежья. Дотошность художника в прорисовке деталей поощряет зрительское любопытство — не просто любоваться пейзажем вместе с героями сказочного повествования, но и оценивать фортификационную мощь городских стен и башен, выявлять архитектурные доминанты композиции ансамбля, искать глазами дворцы и сады, пытаться проследить маршрут заморского гостя от набережной по главной улице вдоль внутренней монастырской ограды к столичному собору, т.е. «обживать» городское пространство. Налицо все признаки сакральной топографии (пусть и вымышленного локуса).

Список литературы:

- Аникьев И. И., Давыдов И. П., Фадеев И. А. *Magnum Ignotum: Т. 7: Литургия. Икона. Идентичность*. — Москва: Т8 Издательские Технологии, 2023. — 212 с.
- Бахманн-Медик Д. *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. — Москва: Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.
- Бёрк П. *Что такое культуральная история?* — Москва: ВШЭ, 2016. — 240 с.
- Бернадский В. Н. *Новгород и Новгородская земля в XV веке*. — Москва-Ленинград: АН СССР, 1961. — 396 с.
- Булкин В. А., Овсянников О. В. *Ученый, зодчий, каменщик: Памяти Ю. П. Спегальского*. — Ленинград: Лениздат, 1983. — 112 с.
- Валеров А. В. *Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI—XIV веков*. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. — 315 с.
- Галкова И. Г. *Церкви и всадники: романские храмы Пуату и их заказчики*. — Москва: Новое литературное обозрение, 2015. — 394 с.
- Давыдов И. П. Роль «культуральных поворотов» в изучении истории религии и церкви // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. — 2023. — Т. 14, № 12-2. <https://doi.org/10.18254/S207987840029690-8>
- Давыдов И. П. *Храм и ритуал: социальные функции священного*. — Санкт-Петербург: РХГА, 2021. — 453 с.
- Давыдов И. П., Фадеев И. А. «Поклоняйтесь господу во благолепии святыни»: роль церковного здания в английской литургике середины XVI – начала XVII века // *Государство, религия, Церкви в России и за рубежом*. — 2025. — Т. 43, № 4. — С. 51-72.
- Данилова И. Е. *Итальянский город XV века: реальность, миф, образ*. — Москва: РГГУ, 2000. — 253 с.
- Даниловские чтения. *Античность — Средневековье — Ренессанс, Сборник 1 / под ред. Е. А. Савостиной, О. Е. Этингф.* — Москва: Новое литературное обозрение, 2018. — 357 с.
- Джаксон Т. Н. «Страна городов» и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов // *Slověne*. — 2015. — Т. 4, № 1. — С. 170–179.
- Древнерусское искусство: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи / отв. ред. М. А. Орлова*. — Москва: Северный паломник, 2008. — 535 с.
- Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю., Митин И. И. *Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы*. — Москва: Ин-т Наследия, 2008. — 760 с.
- Кавтарадзе С. Ю. *Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле*. — Москва: ВШЭ, 2016. — 472 с.
- Каргер М. К. *Новгород Великий*. — Ленинград; Москва: Искусство, 1961. — 310 с.
- Коваленко Г. М. *Великий Новгород в иностранных сочинениях. XV – начало XX века*. — Москва: Ломоносовъ, 2016. — 216 с.
- Конрад С. *Что такое глобальная история?* — Москва: Новое литературное обозрение, 2018. — 309 с.
- Мокеев Г. Я. *Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства*. — Москва: Астрейя-центр, 2017. — 320 с.
- Морозкина Е. Н. *Церковное зодчество древнего Пскова: зодчество Пскова как наследие: в 2 т. Т. 1*. — Москва: Северный Паломник, 2007. — 424 с.
- Мусин А. Е. *Загадки дома Святой Софии: церковь Великого Новгорода в X–XVI вв.* — Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2016. — 232 с.
- Николаева М. В. *Иконостасное строительство последней трети XVII века: «столярство и резьба», золочение, иконописные работы: Новодевичий, Донской, Высоко-Петровский, Симонов монастыри*. — Москва: БукСМАрт, 2020. — 448 с.
- Николаева М. В. *Иконостасное строительство последней трети XVII века: «столярство и резьба», золочение, иконописные работы: Архангельский собор и дворцовые храмы Московского Кремля. Церкви подмосковных сел Измайлово, Алексеевское, Воробьево*. — Москва: БукСМАрт, 2021. — 488 с.

- Новые Иерусалимы: иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. — Москва: Индрик, 2009. — 910 с.
- Прак Н. Л. Язык архитектуры: очерки архитектурной теории. — Москва: Дело, 2018. — 282 с.
- Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. — Москва: Индрик, 2011. — 702 с.
- Псков: Памятники истории, культуры, архитектуры: В 2 т. Т. 1. Богатырская застава земли Русской / авт.-сост. Е. П. Матвеев. — Москва: ТЕРРА—Книжный клуб, 2003. — 384 с.
- Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. — Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 320 с.
- Святые горы в иеротопии и иконографии христианского мира / отв. ред. А. М. Лидов. — Москва: Феория, 2017. — 132 с.
- Семенова З. Ф. «Правила красоты» (композиционные законы) русского каменного зодчества XI — середины XVIII веков. — Санкт-Петербург: РГО, 2004. — 74 с.
- Семиотика пространства / под ред. А. А. Барабанова. — Екатеринбург: Архитектон, 1999. — 687 с.
- Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. — Ленинград: Наука. Ленингр. отделение. 1972. — 276 с.
- Таруашвили Л. И. Тектоника визуального образа в поэзии античности и христианской Европы: К вопросу о культурно-исторических предпосылках орденового зодчества. — Москва: Языки русской культуры, 1998. — 376 с.
- Успенский Б. А. Семиотика искусства. — Москва: Языки русской культуры, 1995. — 357 с.
- Успенский Л. А. Вопрос иконостаса // Хоругвь. Вып. 1. — Москва: Изд. храма Спаса Нерукотворного образа в Андроникове мон-ре, 1993. — С. 7–33.
- Штендер Г. М. Архитектура средневекового Новгорода. — Санкт-Петербург: Крига, 2020. — 448 с.
- Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV веков. — Москва: Издательство Московского государственного университета, 1998. — 216 с.
- Ferg E. Geography, Religion, and Sainthood in Eastern Mediterranean. — London: Routledge, 2020. — x, 287 p. <https://doi.org/10.4324/9780429060151>
- Mapping the Sacred: Religion, Geography and Postcolonial Literatures / Ed. by J. S. Scott, P. Simpson-Housley. — Leiden: Brill, 2001. — XXXIV, 486 p. <https://doi.org/10.1163/9789004490222>
- Northcott M. S. Place, Ecology and the Sacred: The Moral Geography of Sustainable Communities. — London: Bloomsbury Academic, 2015. — VIII, 233 p.
- Park C. Sacred Worlds: An Introduction to Geography and Religion. — London: Routledge, 1994. — xiv, 332 p. <https://doi.org/10.4324/9780203421055>
- Social Research after the Cultural Turn / ed. by S. Roseneil, S. Frosh. — London: Palgrave Macmillan, 2012. — xi, 211 p.
- Stump R. W. The Geography of Religion: Faith, Place, and Space. — Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2008. — xviii, 423 p.
- Swenson E. Infrastructures of Religion and Power: Archaeologies of Landscape, Ritual, and Semiotics. — London: Routledge, 2024. — xxvi, 404 p. <https://doi.org/10.4324/9780429356063>

References:

- Anikiev, I. I., Davydov, I. P. and Fadeyev, I. A. (2023) *Magnum Ignotum. Vol 7. Liturgy. Icon. Identity*. Moscow: T8 Izdatel'skiye Tekhnologii Publ. (In Russian).
- Bachmann-Medick, D. (2016) *Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture*. Berlin Boston: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110402988> (Russ. ed.: (2017) *Kul'turnyye povoroty. Novyye oriyentiry v nauках o kul'ture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.)
- Barabanov, A. A. (ed.) (1999) *Semiotika prostranstva* [The Semiotics of Space]. Ekaterinburg: Architecton Publ. (In Russian).
- Bernadsky, V. N. (1961) *Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV veke*. [Novgorod and the Novgorod Region in the 15th Century]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ. (In Russian).

Bulkin, V. A. and Ovsyannikov (1983) *Uchenyy, zodchiy, kamenshchik: Pamyati Yu.P. Spegal'skogo*. [Scholar, Architect, Mason: In Memory of Yu. P. Spegalsky]. Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russian).

Burke, P. (2008) *What is cultural history?* Cambridge; Malden: Polity Press. (Russ. ed.: (2016) *Chto takoe kul'tural'naya istoriya?* Moscow: HSE Publ.).

Conrad, S. (2016) *What Is Global History?* Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc779r7> (Russ. ed.: (2018) *Chto takoe global'naya istoriya?* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.).

Danilova, I. E. (2000) *Ital'yanskiy gorod XV veka: real'nost', mif, obraz*. [The Italian City of the 15th Century: Reality, Myth, Image]. Moscow: RSUH Publ. (In Russian).

Davydov, I. (2023) 'The Role of "Cultural Turns" in the Study of the History of Religion and Church History', *ISTORIYA*, 14(12–2). (In Russian). <https://doi.org/10.18254/S207987840029690-8>

Davydov, I. P. (2021) *Khram i ritual: sotsial'nye funktsii svyashchennogo* [The Church and Ritual: The Social Functions of the Sacred]. Saint Petersburg: RCHG Publ. (In Russian).

Davydov, I. P. and Fadeyev, I. A. (2025) "'Worship the Lord in the Beauty of Holiness": Church Architecture and English Liturgy, c. 1550–c. 1625', *Gosudarstvo, religia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 43(4), pp. 51–72. (In Russian).

Ferg, E. (2020) *Geography, Religion, and Sainthood in Eastern Mediterranean*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429060151>

Galkova, I. G. (2015) *Tserkvi i vsadniki. Romanskie khramy Puatu i ikh zakazchiki* [Churches and Horsemen. Romanesque Churches of Poitou and Their Patrons]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).

Jackson, T. N. (2015) 'Garðaríki and Its Capital: Novgorod on the Mental Map of Medieval Scandinavians', *Slověne*, 4(1), pp. 170–179. (In Russian).

Karger, M. K. (1961) *Novgorod Velikiy* [Novgorod the Great]. Leningrad; Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).

Kavtaradze, S. Yu. (2016) *Anatomiya arkhitektury. Sem' knig o logike, forme i smysle*. [The Anatomy of Architecture. Seven Books on Logic, Form and Meaning]. Moscow: HSE Publ. (In Russian).

Kovalenko, G. M. (2016) *Velikiy Novgorod v inostrannykh sochineniyakh. XV – nachalo XX veka* [Veliky Novgorod in Foreign Writings. 15th – early 20th centuries]. Moscow: Lomonosov Publ. (In Russian).

Lidov, A. M. (ed.) (2009) *New Jerusalems*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).

Lidov, A. M. (ed.) (2011) *Spatial icons. Performativity in Byzantium and Medieval Russia*. Moscow: Indrik. (In Russian).

Lidov, A. M. (ed.) (2017) *Holy Mountains in the Hierotopy and Iconography of the Christian World*. Moscow: Feoria Publ. (In Russian).

Matveev, E. P. (ed.) (2003) *Pskov: Pamyatniki istorii, kul'tury, konstruksii: V 2 t. T. 1. Bogatyrskaya zastava zemli Russkoy* [Pskov: Monuments of history, culture, architecture: In 2 vol. Vol. 1. The Bogatyr Outpost of the Russian Land]. Moscow: TERRA—Knizhnyy klub Publ. (In Russian).

Mokeyev, G. J. (2017) *Russkaja civilizatsiya v pamjatnikach arkhitektury i gradostroitel'stva* [Russian Civilisation in Architectural and Urban Planning Monuments]. Moscow: Astreja-centr Publ. (In Russian).

Morozkina, E. N. (2007) *Tserkovnoye zodchestvo drevnego Pskova: zodchestvo Pskova kak naslediye* [Church architecture of ancient Pskov: Pskov architecture as a heritage: in 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Severny Palomnik Publ. (In Russian).

Musin, A. E. (2016) *The secrets of the house of holy wisdom: the church of Novgorod the Great in 10th–16th centuries*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ. (In Russian).

Nikolaeva, M. V. (2020) *Ikonostasnoe stroitel'stvo posledney treti XVII veka: «stolyarstvo i rez'ba», zolochenie, ikonopisnye raboty: Novodevichiy, Donskoy, Vysoko-Petrovskiy, Simonov monastyri* [Iconostasis Construction in the Last Third of the 17th Century: "Carpentry and Woodcarving", Gilding, and Icon Painting: Novodevichy, Donskoy, Vysoko-Petrovsky, and Simonov Monasteries]. Moscow: BuksMArt Publ. (In Russian).

Nikolaeva, M. V. (2021) *Ikonostasnoe stroitel'stvo posledney treti XVII veka: «stolyarstvo i rez'ba», zolochenie, ikonopisnye raboty: Arkhangel'skiy sobor i dvortsove khramy Moskovskogo Kremlya. Tserkvi podmoskovnykh sel Izmaylovo, Alekseevskoe, Vorob'evo*. [Iconostasis Construction in the Last Third of the 17th Century: "Carpentry and Woodcarving", Gilding, and Icon Painting: The Archangel Cathedral and the Palace Churches of the Moscow Kremlin. Churches in the Moscow Suburbs of Izmailovo, Alekseevskoye, and Vorobyovo]. Moscow: BuksMArt Publ. (In Russian).

- Northcott, M. S. (2015) *Place, ecology, and the sacred: the moral geography of sustainable communities*. London: Bloomsbury Academic.
- Orlova, M. A. (ed.) (2008) *Drevnerusskoe iskusstvo: chudozhestvennaja zhizn' Pskova i iskusstvo pozdnevizantijskoj epoki* [Old Russian Art: The Artistic Life of Pskov and the Art of the Late Byzantine Period]. Moscow: Severnyj Palomnik Publ. (In Russian).
- Park, C. (1994) *Sacred Worlds: An Introduction to Geography and Religion*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203421055>
- Prak, N. (1968) *The language of architecture. A contribution to architectural theory*. Berlin; Boston: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783111502915> (Russ. ed.: (2018) *Yazyk arkhitektury. Oчерki arkhitekturnoy teorii*. Moscow: Delo Publ.).
- Roseneil, S. and Frosh, S. (eds) (2012) *Social Research after the Cultural Turn*. London: Palgrave Macmillan UK. <https://doi.org/10.1057/9780230360839>
- Rybina, E. A. (2009) *Novgorod i Ganza* [Novgorod and the Hanseatic League]. Moskva: Rukopisnye Pamjatniki Drevnej Rusi Publ. (Velikij Novgorod 1150). (In Russian).
- Savostina, E. A. and Etingof, O. E. (eds) (2018) *Danilovskie chteniya. Antichnost' — Srednevekovje — Rennans. Sb. 1.* [Danilov's Readings. Antiquity — Middle Ages — Renaissance. Vol. 1]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Publ. (In Russian).
- Scott, J. S. and Simpson-Housley, P. (2001) *Mapping the Sacred: Religion, Geography and Postcolonial Literatures*. Leiden: BRILL. <https://doi.org/10.1163/9789004490222>
- Semenova, Z. F. (2004) «Pravila krasoty» (kompozitsionnye zakony) russkogo kamennogo zodchestva XI – serediny XVIII veka. [“Rules of Beauty” (Compositional Laws) of Russian Stone Architecture from the 11th to the Mid-18th Centuries]. Saint Petersburg: RGO Publ. (In Russian).
- Shtender, G. M. (2020) *Arhitektura srednevekovogo Novgoroda* [The Architecture of Medieval Novgorod]. Saint Petersburg: Kruga Publ. (In Russian).
- Spegalsky, Yu. P. (1972) *Zhilishche Severo-Zapadnoy Rusi IX – XIII vv.* [Dwellings of North-Western Rus' in the 9th – 13th Centuries]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
- Stump, R. W. (2008) *The geography of religion: faith, place, and space*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Swenson, E. (2024) *Infrastructures of Religion and Power: Archaeologies of Landscape, Ritual, and Semiotics*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429356063>
- Taruashvili, L. I. (1998) *Tektonika vizual'nogo obraza v poezii antichnosti i khristianskoj Evropy: k voprosu o kul'turno-istoricheskikh predposylkakh ordennogo zodchestva* [[Tectonics of Visual Image in the Poetry of Classical Antiquity and Christian Europe: Apropos of the Question of Culturally-Historical Premises of Order Architecture]. Moscow: YAzyki russkoy kul'tury Publ. (In Russian).
- Uspensky, B. A. (1995) *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow: YAzyki russkoy kul'tury Publ. (In Russian).
- Uspensky, L. A. (1993) 'Vopros ikonostasa [The Question of the Iconostasis]', *Horugv. Issue 1*. Moscow: Andronikov Monastery Publ., pp 7–33. (In Russian).
- Valerov, A. V. (2004) *Novgorod i Pskov: Oчерki politicheskoy istorii Severo-Zapadnoy Rusi XI — XIV vekov* [Novgorod and Pskov: Essays on the Political History of North-Western Rus' in the 11th–14th Centuries]. Saint Petersburg. (In Russian).
- Yanin, V. L. (1998) *Novgorod i Litva: pograničnye situacii XIII – XV vekov* [Novgorod and Lithuania: Borderline Situations of the 13th – 15th Centuries]. Moscow: Izd. Moskovskogo Universiteta Publ. (In Russian).
- Zamiatin, D., Zamiatina, N. and Mitin, I. (2008) *Modelirovanie obrazov istoriko-kul'turnoy territorii: metodologicheskie i teoreticheskie podkhody* [Modelling the Images of a Historical and Cultural Territory: Methodological and Theoretical Approaches]. Moscow: In-t Naslediya Publ. (In Russian).

Информация об авторе

Иван Павлович Давыдов — доктор философских наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Ivan P. Davydov — Doctor of Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky avenue, Moscow, 119334 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 17.03.2026; одобрена после рецензирования 24.04.2026; принята к публикации 31.05.2026.

The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 24.04.2026; accepted for publication 31.05.2026.